

А 2006

6540к

САҒЫНАМЫН КҮН САЙЫН...

САҒЫНАМЫҢ КҮҢ САЙЫҢ...

Жазушы, журналшы. Тельман Жанұзақов
туралы естеліктер

*Құрастырған, қазақшадан орыс тіліне
аударған – Майра Жанұзақова*

Алматы
“Жалын баспасы”
2005

С12 Сағынамын күн сайын.... Жазушы, журналшы Тельман Жанұзақов туралы естеліктер/ Құраст., орыс тіліне ауд. М. Жанұзақова. — Алматы: “Жалын баспасы” ЖШС, 2005. — 288 б. + 8 бет жапсырма.

ISBN 9965-693-25-0

2005-жылдың тамыз айында белгілі қазақ журналшысы және аудармашы Тельман Жанұзақовтың туғанына 70 жыл толды. Оның ғұмыры қысқа, бар-жоғы 43 жас болғанымен, өте мәнді болды.

Тельман Жанұзақов қазақ және орыс тілдерінде бірдей жазатын талантты жазушы еді. 1967-жылы жас журналшыны кеңес өкіметінің негізгі газеті “Правда” редакциясына жұмысқа шақырып, оны Қазақстан бойынша меншікті тілші етіп бекітті. Кейін “Ара-Шмель” сатиралық журналының бас редакторы болды. Өмірінің соңғы жылдарында “Қазақфильм” киностудиясының кинохроника бөлімін басқарды. Қазақстан кинематографистер одағының хатшысы болды.

Бұл жинаққа оның достары мен замандастары, бірге жұмыс істескен кұрдастары Шерхан Мұртаза, Әкім Тарази, Бек Тоғысбайұлы, Қалихан Ысқақұлы және басқалардың естеліктері топтастырылды.

С $\frac{4702250200-08}{408(05)-05}$ 2005

ББК 84 (5 Қаз)

ISBN 9965-693-25-0

© “Жалын баспасы” ЖШС, 2005

© М. Жанұзақова, құрастыру, қазақпандан аудару, 2005

ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ

Эту книгу я задумала лет семь-восемь назад, когда после затяжного кризиса, поразившего систему книгоиздания республики, она потихоньку стала приходить в норму и набирать силу. Как грибы после дождя, появлялись новые издательства и издательско-полиграфические фирмы, а на книжном рынке, одно время почти заполненном российскими изданиями, наконец-то в широком ассортименте стала предлагаться отечественная продукция.

Именно в это время начали во множестве издаваться различные мемуарные сборники, посвященные жизни и деятельности недавних наших современников, воспоминаниями о которых делились их друзья, коллеги и близкие. Героями этих книг были как люди известные, оставившие заметный след в истории нашей страны, так и простые труженики, чей честный жизненный путь, пусть и не обремененный большой славой, решили навечно запечатлеть в семейной памяти их наследники, добившиеся некоторого успеха и могущие себе позволить “памятник родителям” в виде книги — поступок, достойный уважения. Я сама как литературный редактор принимала участие в подготовке нескольких подобных сборников.

И однажды мне в голову пришла мысль: а почему такой книги нет о моем отце? Тем более, если я, его дочь, — журналист по профессии, с многолетним стажем работы в книгоиздании. Так родилась убежденность, что книга воспоминаний о моем папе, журналисте, писателе-переводчике Тельмане Жапузакове, непременно увидит свет, но, со стыдом признаюсь, суета повседневных будней, какие-то заказы и договорные обязательства отодвигали реализацию этой идеи на дальний план.

Когда не стало Камала Сейтжановича Смаилова, когда прошлым летом так неожиданно ушел от нас Калдарбек Найманбаевич Найманбаев, я вдруг с ужасом подумала, что время безжалостно и все меньше рядом с нами остается тех, кто близко знал моего отца, кто был в числе его друзей, коллег, товарищей по цеху. Со дня смерти

папы прошло уже двадцать семь лет, больше, чем четверть века, и за эти годы мы потеряли многих из дорогих ему людей, имена которых в большинстве своем известны на всю республику. Нет уже с нами Ануарбека Дуйсенбиева и Жусупа Кыдырова, Туткабая Иманбекова и Османхана Аубакирова, Сейдахмета Бердикулова и Ануара Алимжанова, Бекежана Тлегенова и Василия Шепеля, Сапара Байжанова и Балгабека Кыдырбекулы, Нургисы Тлендиева и Хайдоллы Тлемисова, Аскара Сулейменова и Какимжана Казыбаева, Жумекена Нажмеденова и Толенды Нурмухамедова, Бердибека Сокпакбаева, Нурума Сыдыкова, Оралхана Бокеева, многих-многих других... Светлая им память...

Откладывать дальше было бы непростительно, и я твердо решила, что подготавливаю книгу и во что бы то ни стало выпущу ее в свет к 70-летию юбилею отца, который мы отмечаем в нынешнем году.

Но мною двигал не только дочерний долг. Я до глубины души убеждена, что короткая, но такая насыщенная, по-настоящему творческая жизнь моего отца — ярчайший пример беззаветного служения делу, выбранной профессии, верности долгу, который потребовал от него необыкновенного мужества, напряжения сил и стойкости духа. Он был Журналистом с большой буквы — это признают все его современники. И я очень надеюсь, что эту книгу прочтут и те юноши и девушки, кто решил посвятить свою жизнь стезе журналиста. Пусть сегодня, когда в среде информации такими частыми явлениями стали непрофессионализм, пошлость, безграмотность, небрежное отношение к слову и вопиющая некомпетентность, для будущего поколения работников прессы верным ориентиром в профессии послужит творческий путь моего отца и его коллег, их самоотдача, их уважение к Слову и вера в его силу. Ведь если «в начале было Слово», оно будет всегда. Его ценность непреходяща, оно — главное завоевание человечества, то, с чего, собственно, началось цивилизационное развитие и без чего немислим прогресс.

Я горжусь тем, что мой отец принадлежал к знаменитому поколению «шестидесятников», тех, чья молодость пришла на 50-60-е годы прошлого века. Это дети фронтовиков — дети вернувшихся с войны победителей и тех, кого война, как моего отца, осиротила. Судьба лишила их безмятежных детских забав, они рано повзрослели, познали голод, нужду, непосильный труд и горечь утрат. Но трудное детство и радостный вкус долгожданной Великой Победы сделали их сильными, целеустремленными и жизнелюбивыми. Им были присущи необыкновенная тяга к знаниям, истинный патриотизм, поразительное трудолюбие, упорство в достижении целей и здоровая, вполне оправданная амбициозность. А недолгая хрущевская оттепель, которая пришла на годы расцвета их молодости, придала им смелости, уверенности и помогла раскрыться всем их завидным качествам в полную мощь. Наверное, в силу всего вышесказанного, поколение «шестидесятников» и стало таким могучим, обильным на таланты, жизнеутверждающим и жизнеутвердившимся — что ни

имя, то Личность. Чего, к сожалению, не скажешь о нас — о поколении их детей, взлелеянных мирным и сытым временем, чья юность прошла под знаком эпохи застоя. Мы откровенно слабее своих отцов, в нас меньше романтики и, увы, больше равнодушия.

Мне было двадцать два, когда умер папа, я только что получила диплом журналиста и мечтала о том, как буду радовать его своими творческими успехами, как буду с ним советоваться, как он будет делиться со мной своим опытом, а я изо всех сил стараться достичь его журналистской планки... И внезапно этот удар — самый страшный в моей жизни, еще и потому, что прежде всего и всегда я была папиной дочкой. Эта потеря стала для меня не только непосильным горем, фактически она изменила всю мою дальнейшую жизнь.

Родившись в семье газетчиков, избрав родительскую профессию, я, конечно же, представляла свое будущее в стенах газеты, и именно “молодежки”, откуда начинался и папин, и мамин путь. Но, в отличие от того времени, когда первые шаги в журналистике делали мои родители, я окончила университет и пополнила ряды выпускников с журфаковским дипломом, которые к тому моменту исчислялись уже многими сотнями. Штаты всех мало-мальски авторитетных, к тому же немногочисленных изданий были заполнены до отказа. Попасть при этом молодому, никому не известному специалисту в редакцию столичной республиканской газеты было практически невозможно, исключая лишь перспективу устройства по знакомству, чем я и воспользовалась. Папа договорился с редактором “Ленинской смены”, что меня возьмут на работу. Надо сказать, что пользоваться своими связями или служебным положением в личных целях было совсем не в его характере. Он крайне щепетильно относился к этому даже в мелочах: например, маме не раз доставалось, когда она, выпросив у него на полчаса машину, невольно задерживалась; папа в таких случаях строго ее отчитывал, каждый раз напоминая, что персональная машина — предмет служебного, а не семейного пользования, и ему неловко, когда его жена разъезжает на ней за покупками. Поэтому я знала, если он все-таки решил помочь мне с этим устройством, то только по одной причине — он верил в меня, более того, был убежден, что я его не подведу.

За моими плечами было несколько успешных производственных практик и длительная преддипломная стажировка в областной газете “Индустриальная Караганда”, завершившаяся для меня персональным приглашением тогдашнего редактора Казанцева на постоянную работу (но разве могла я уехать из Алма-Аты, когда мои сверстники со всех концов республики, наоборот, стремились попасть в столицу и осесть в ней навсегда?!). Я мечтала доказать отцу, что не зря ношу его фамилию, но моим планам не суждено было осуществиться — после папиной смерти редактор “Ленсмены” сдержал данное ему слово наполовину: мне не отказали совсем, но и в штат не взяли.

Полтора месяца я “болталась” в несколько унижительном положении никому, в общем-то, не нужного внештатника, что

едва ли стимулировало мою активность, а потом с радостью, но далеко не бурной, откликнулась на приглашение отцовского друга Калдарбека Найманбаева, ставшего как раз директором республиканского детско-юношеского издательства “Жалын”. Почему же “не бурной”? Да потому, что у меня сложилось устоявшееся мнение: издательство — это тихая гавань для уставших газетчиков; во всяком случае, именно такой гаванью оно (а именно — издательство “Жазушы”) стало для мамы после сумасшедшего десятилетия работы в молодежной газете с частыми командировками, бесконечными ночными дежурствами и отчасти приятным, отчасти изнурительным “строковыжиманием”.

Каким же неподдельным было мое удивление, когда в первый же свой рабочий день я обнаружила, что моими коллегами большей частью являются не почтенные “дяденьки” и “тетеньки”, а такие же, как и я, молодые ребята, кто-то чуть старше, а кто-то даже младше. Со временем я стала открывать для себя все новые плюсы в том, что моя судьба повернула совсем не туда, куда хотела я.

Во-первых, считаю огромным везением и даже счастьем, что моим первым руководителем был Калдарбек Найманбаевич Найманбаев — талантливейший организатор, дальновидный политик и мудрый стратег издательского дела, человек, обладавший безукоризненным литературным и художественным вкусом, замечательный директор, создавший дружный, сплоченный коллектив, обожавший своего шефа, и просто обаятельный, красивый и элегантный мужчина, на которого заглядывались женщины всех возрастов со всех шести этажей Дома издательств. Он был близким другом моего отца, поэтому я всегда ощущала с его стороны особое, отеческое внимание, а сам он называл себя моим “старшим братом”. Но дело не только во внимании, невольно он взял на себя и функции моего наставника. Всем, чему я научилась в сфере литературного труда, я обязана Калдарбеку Найманбаевичу. Это он, бросая меня “с фронта на фронт” — изрекламы в тематическое планирование, от подготовки к международной выставке в редактирование художественных переводов, давая самые нелепые поручения — от написания газетных статей и рецензий, аннотированных каталогов и деловых писем до составления отчетов, аналитических справок, публичных речей, поздравительных адресов и юридических претензий, по сути, сделал из меня универсала, что впоследствии так пригодилось в жизни. Это он, подчеркнув пару слов или какую-то фразу в очередном моем опусе (и всегда в точку!), давал мне уроки слова и учил азам редактирования. Это он был моим главным творческим советчиком в каждодневной работе, которому я бесконечно доверяла. В этом смысле он занял опустевшее место моего отца. Поэтому, когда его не стало, я вновь ощутила себя осиротевшей.

Было бы несправедливым не сказать, что еще одним моим издательским директором стал другой очень близкий и уважаемый

мною папин друг Сейдахмет Бердикулов, который тоже относился ко мне с отеческой теплотой и которого тоже, увы, уже нет с нами. Правда, под его началом мне довелось поработать совсем немного.

Вторым безусловным плюсом моей издательской жизни стало открытие для себя современной казахской литературы. Что греха таить, было такое время, когда наш родной язык и родная литература и в школе, и в университете по какому-то всеобщему безмолвному согласию считались предметами второстепенными, и мы, к моему великому стыду, так их и воспринимали, поэтому наши знания ограничивались рамками программы, в основном, естественно, классикой, а чтобы утолить читательский голод, мы гонялись за новинками зарубежной литературы и той советской, о которой шумела центральная пресса. Эти же произведения становились и предметом наших бурных студенческих дискуссий.

Как же мы себя обкрадывали! Придя в “Жалын”, я окунулась в мир казахской прозы и поэзии и стала читать не только то, что выпало мне волею редакторского жребия, но и книги, вышедшие несколько лет назад или подготовленные в свет моими коллегами. С каким наслаждением я упивалась романом Абиша Кекильбаева “Конец легенды”, повестями Дулата Исабекова “Молчун” и Оралхана Бокеева “Человек-Олень”! А с каким трепетом приступала к редактированию переводных книг папиных друзей – Калихана Исакова (“Кедры высокие”) и Акима Тарази (“Журавли, журавушки”).

В нашем доме очень часто появлялись книжные новинки с дарственными надписями — литературные первенцы и “последыши” папиных друзей и добрых знакомых. Ни одна из них не ставилась на полку, пока не будет прочтена отцом. А читал он всегда вдумчиво, обязательно с карандашом в руках, оставляя на полях свои впечатления или просто восклицательные знаки, которыми, например, исцелены страницы поэтических сборников Олжаса Сулейменова. Наиболее понравившиеся места аккуратно переписывал в записную книжку, где было больше места, чем на полях книги, и тут уж волю выражал свой восторг, спорил с автором или развивал его мысль собственными наблюдениями. Так было, например, с Хэмом (Хэмингуэем): в одном из папиных блокнотов я обнаружила просторные цитаты из романа “По ком звонит колокол” с его восхищенными комментариями.

Вообще чтение было у папы любимым занятием, причём круг интересов удивлял обширностью: я видела на его столе книги по истории и географии, философии и психологии, мемуары, биографическую, медицинскую, военную литературу, всевозможные словари и справочники. И все это он читал, не изменяя своей привычке, с карандашом и блокнотом. В книжных магазинах папа был частым гостем, искренне радовался, когда удавалось на что-то подписаться, но и этим не удовлетворялся. В период нашего проживания на улице Масанчи (кстати, по непостижимой прихоти судьбы в нашем доме располагался книжный магазин) он исправно, раз или два в

неделю ходил к Абеке (Абильмажину Жумабаеву), который жил тогда по-соседству, и возвращался с очередной порцией книг, благо, библиотека у друга была завидной...

Но вернусь в последний раз к "жальновскому" отрезку своей биографии. Пишу об этом так много вовсе не потому, что хочу обратить читательское внимание к собственной персоне. Мне кажется, вспоминаемые мною моменты издательской жизни тесно связаны и с памятью об отце. С одной стороны, это работа под началом его друзей, которых он очень любил, с другой — знакомство с творчеством его соратников по перу. Ну а третий момент, которого я хочу коснуться сейчас, — это то, что я последовала примеру отца и в творческой сфере отдала предпочтение переводческому делу, озвучивая на русском казахских авторов. Правда, резкие перемены в жизни общества диктуют свои законы: папа сам выбирал предмет перевода, я же чаще перевожу то, что мне предлагают. Но начинала в "Жальне", и начинала с того, что не может не увлечь, — с казахских народных сказок. Как не хватало мне тогда папы — с его переводческим опытом, с его двуязычием и чувством слова. Тем не менее, он мог бы мною гордиться: зная казахский на бытовом уровне, да и то не так уж и хорошо, свои первые шаги в литературном переводе я делала с помощью подстрочников, но постепенно перешла на работу с оригиналом, хотя до сих пор мне приходится сталкиваться иногда с определенными трудностями. Однако я стараюсь и, думаю, у меня получается, во всяком случае, удостоилась пару раз похвалы со стороны Герольда Карловича Бельгера, которого не одна я считаю асом художественного перевода.

Судьба распорядилась так, что книгоизданию я отдала около двадцати лет, пройдя при этом хорошую литературную школу. Но, видимо, гены действительно многое в нас определяют: самой светлой страничкой своей трудовой биографии я считаю тот небольшой отрезок времени (около года), когда занималась чистой журналистикой — выпускала в свет, к сожалению, недолго просуществовавший журнал "Огонек-Казахстан". Фактически мы делали его вдвоем — с дизайнером-верстальщиком Костей Терентьевым. Я сама планировала номер, выбирала темы, придумывала рубрики, сама подбирала авторов, заказывала рисунки и фотографии, сочиняла врезки и анонсы, сама редактировала и вычитывала все материалы, вмешивалась в дизайн и верстку, да еще и писала в каждый номер. Засиживались порой до утра, первые пять месяцев не получали ни копейки, но все равно испытывали огромный кайф от работы, а каждый свежий номер был для нас долгожданным ребенком и предметом неопишуемой гордости. Журнал не просто получился, а получился красивым, интересным и, по отзывам многих, достойным. Конечно, в этом мне помогли две школы — папина и "жальновская".

Если издательский опыт был сугубо конкретным, то под словами "папина школа" я понимаю что-то более общее — его отношение к делу, его уважение к слову, поскольку чисто профессиональных уроков

он просто не успел мне дать. Но кое-что я все-таки сумела запечатлеть в своей памяти. Попробую рассказать.

С такой же ненасытной жадностью, как и книги, папа “поглощал” периодику — мы всегда выписывали кучу газет и журналов. И читал опять же очень вдумчиво, вырезал чем-то привлекившие его внимание статьи и заметки, раскладывал по папочкам. Таких папок у него было много, и на обложке каждой стояло название определенной темы или проблемы. Туда же он вкладывал информацию, почерпнутую из книг, интересные письма, неожиданно пришедшие и записанные на ходу мысли, отрывки из бесед с друзьями и новыми знакомыми. Так собирались довольно пухлые тематические досье, которые были для него бесценной кладовой при написании серьезных статей, всегда отличавшихся, благодаря этому, информационной насыщенностью. Словом, папа в любое время, и в часы досуга, и в разгар дискуссий с друзьями, всегда оставался, прежде всего, журналистом.

Еще одно его профессиональное качество, вернее, метод, я переняла и всегда использую в собственной практике. Прежде чем писать какой-то большой материал, он долго его продумывал мысленно и набрасывал предварительный план, как бы каркас, причем, кроме основных “несущих конструкций”, указывал в нем детальное наполнение “этажей”. Убедилась — этот прием никогда не подводит, позволяет сохранить цельность и стройность материала, не утерев логики при углублении в конкретику.

Еще одна деталь, которую я отметила. Папа всегда очень придирчиво относился к началу любой своей статьи, по несколько раз переписывая один-два первых абзаца — каждый раз на новом, чистом листе. Удивительные вещи вытворяют все-таки наши гены. Для меня тоже самое главное — зачин. Когда сажусь писать, могу раз двадцать переписать начало из-за одной фразы, слова или просто криво написанной буквы, нещадно комкая испорченные бумажные листы, зато дальше все льется как по маслу. Папа никогда не писал на обратной стороне листа, благо, бумаги было сколько угодно. Моя же привычка переписывать начало и та же неприязнь к использованным листам дорого обходилась моим работодателям, когда по тем или иным причинам бумагу приходилось экономить. Хвала эре компьютеров — теперь я могу переделывать каждое предложение по двести раз, не заботясь о том, что в самый неподходящий момент бумага закончится.

При всей своей мягкости и деликатности папа был невероятно жестким, когда дело касалось халтуры во всех ее проявлениях: если это было в его компетенции, слабый материал никогда не попадал на газетную полосу. Эту его принципиальность характеризует один известный мне факт. Работая главным редактором журнала “Ара—Шмель”, он прилюдно, на редакционной планерке, “зарубил” два фельетона уважаемого автора, чуть ли не классика жанра, который даже читал на журфаке посвященный фельетону курс. Причем “зарубил” за слабость и непрофессионализм.

Такой же принципиальностью отец отличался и в вопросах нравственной сферы: не терпел низости, ханжества, лизоблюдства и кляузничества. Помню, когда он работал в “Правде”, в наш дом зачастили два старика. Оказалось, один написал в газету жалобу на другого, вот они и приходили теперь по очереди отстаивать свою правоту с ворохом “неопровержимых аргументов”. Это продолжалось около месяца. Папа тактично выслушивал обоих, уважая их седины, и, наверное, докопался до истины, но не она стала сутью появившегося впоследствии на страницах “Правды” материала. Он написал хлесткий фельетон, героями которого стали оба горе-ходака, старательно обливавшие друг друга грязью.

В нику своим персонажам папа, наоборот, стремился делать людям только добро и помогать решать их проблемы. Об этом его качестве хорошо знали все, поэтому тянулись с просьбами, особенно когда он стал корреспондентом “Правды”, а поскольку он часто болел, приходили с этим и в больницу. Мама часто ворчала, мол, нет у людей жалости, но папа ее осаживал. И я его понимаю. Когда у человека безвыходная ситуация, к кому еще обратиться, как не к родственнику, другу или хорошему знакомому, зная, что он никогда не откажет в помощи? Тем более, если он занимает некий пост и перед ним открываются многие не доступные для других двери. Множество чинуш во все времена откровенно паразитировали на бедах людей (и морально, и материально) — это давно известная истина. Так что мой отец был для кого-то порой последней надеждой и, как правило, людское доверие оправдывал.

Доброта — одно из главных папиных достоинств, которое отмечают и почти все авторы этой книги, а уж с какой нежностью он относился к нам, своим детям, словами не передать. Всегда брал под защиту, если мама перегибала палку, наказывая нас за провинности. Сам же ни разу даже голоса на нас не повысил. Однако никогда не сюсюкал, в его лексиконе не было по отношению к нам таких обращений, как “солнышко”, “золотце” и т. д. и т. п. Меня он называл Барбосом, видимо, потому, что я с детства была не из робкого десятка, отличалась общительностью и умела постоять за себя. Среднюю дочь, Лейлу, папа окрестил Лехой, выплеснув в этом прозвище свою мечту о сыне. А младшую, Саулешу, трепетно звал Собачкой. Что касается наших с Саулешикой “собачьих” прозвищ, папа мне как-то объяснил: слово “собака” — одно из самых ласковых у Чехова, и он полностью разделяет эту точку зрения. Конечно, втайне папа сожалел, что у него нет наследника, но никогда и никому этого не показывал, наоборот, если кто-нибудь из друзей отпускал веселую шутку по поводу его девичьего выводка, он, гордо выпятив грудь, парировал: “зато какая тонкая ювелирная работа!”

Жаль, папа не увидел своих внуков. Вот бы обрадовался, что у него теперь два настоящих наследника, которые носят его фамилию, а единственной внучке дали имя, которым мама хотела назвать одну из нас, — Лаура.

Странная штука время — случившееся давным-давно иногда эхом возвращается к тебе всю жизнь. Когда я была совсем маленькой, папа

написал рассказ, основанный на реальных событиях. Его главной героиней стала я. Решив помочь маме, я вымыла пол новым полотенцем, а на последовавший упрек вполне логично возразила: от грязной тряпки пол чище не станет. Этот рассказ был в свое время опубликован в журнале “Балдырган”.

Я посещала единственный в центре Алма-Аты казахский детский сад, который располагался в полуподвальном помещении на углу улиц Чайковского и Виноградова и куда водила своих детей вся столичная интеллигенция. До сих пор помню своих воспитательниц — Фарику Сыдыковну и Гульсару Искаковну. Как-то в группе одна из них прочла нам вслух папин рассказ, а поскольку он не изменил имени героини, мои наперсники залились дружным смехом. Какой же недовольной и надутой я вернулась в тот день домой и с ходу вылетела свою обиду: зачем папа выставил меня на посмешище? Забавно об этом теперь вспоминать.

Прошло много лет. Я работала в “Жалыне”, папы уже не было в живых, но совершенно неожиданно эта давняя история аукнулась схожей ситуацией. Забытый мною рассказ включили в сборник из серии “Тіл ашар”, и теперь уже надо мной потешались мои коллеги — заведующий редакцией Ермек Утетлеуов и редактор книги Маншук Шажимова, к сожалению, впоследствии трагически погибшая.

Примерно через десяток лет все почти в точности повторилось в третий раз. Своего сына Санжара я отдала учиться в казахскую школу, которую он нынешним летом окончил. Однажды, еще младшеклассник, Санжар вернулся после уроков каким-то любопытно-возбужденным и сразу засыпал меня вопросами: “Нам апайка книжку читала, там рассказ Тельмана Жанузакова — это папи аташка написал? Он про тебя написал? А ты правда пол полотенцем помыла?.. Ну, даешь!” — и он весело рассмеялся. Как оказалось, для уроков чтения учительница использовала “жалыновские” сборники серии “Тіл ашар”... Кто знает, возможно, пролетит еще лет десять, и этот рассказ будет забавлять моих внуков.

Я уже старше собственного отца, всю свою взрослую жизнь прожила без него, но он всегда был и будет в моем сердце. До сих пор его помнят люди, и не только близкие. В очередной раз я убедилась в этом совсем недавно, беседуя с автором, книгу которого сейчас перевожу. Когда он заинтересовался, почему ему так знакома моя фамилия, я ответила, что мой отец был известным журналистом. “Как же, помню! — воскликнул он. — Я его не знал лично, но мы все восхищались им как журналистом. Знаешь, Майра, признаюсь тебе, когда я читал его репортаж об операции на сердце, я даже прослезился”. Мой автор и не представлял, какой подарок мне сделал. Разве можно не гордиться своим отцом, если и спустя почти тридцать лет со дня смерти его помнят и ценят?!

А теперь несколько слов о структуре книги. В нее в хронологической последовательности я включила все написанное о папе и опубликованное в периодической печати в прежние годы, сохранив кое-где и редакционные

врезки; дальше идут воспоминания, написанные специально для этого издания. Следом за казахскими текстами через отбивочку идет мой русский перевод. Эта идея не всем понравилась, даже прозвучало, будто тем самым я унижаю язык. Категорически не согласна. Если наш язык в какой-то степени и пребывает иногда в униженном положении, то виновата в этом политика ушедшей эпохи, и возвысить его, закрывая глаза на то, что выросло целое поколение городских казахов, не знающих родного языка, невозможно. Меня в данном случае волнует другое: хочу, чтобы книгу прочли мои сестры, которые не читают по-казахски, прочли мои друзья и русскоязычные читатели. Написанное по-русски отдавать на перевод я не стала, потому что любой казах владеет русским настолько, чтобы понять все без перевода. Отдельные воспоминания сопровождаются моими комментариями — более мелким шрифтом, или же сносками.

В книгу вшита вкладка с фотографиями. К сожалению, время не пощадило наш фотоархив: что-то переехало вместе с папой в его новую семью, что-то разошлось по домам родственников, что-то безвозвратно утеряно, а несколько снимков канули в неизвестность вместе со студентом, писавшим дипломную работу по папиному творчеству. Собирая по крохам оставшееся, я очень переживала, что не нашла фотографий, где папа запечатлен со многими из своих друзей и коллег, даже семейных снимков, где все мы вместе, не оказалось. Но и то малое, что удалось отыскать, Наверное, представляет интерес.

Вообще, в память о папе у меня практически ничего предметного не осталось. Даже папин архив стал наследством его братишки, известного теперь писателя Баккожи Мукаи. Правда, Баккожа активно его задействовал: выпустил две книги папиных очерков, опубликовал дневники, — за это я ему очень благодарна. К тому же теперь архив возвращается ко мне. Единственная моя реликвия, зато очень ценная и достаточно редкая, — это значок “правдиста”, который некогда украшал лацкан папиного пиджака. Я им очень дорожу.

Для названия книги я выбрала заглавие воспоминаний об отце, написанных Баккожей Мукае к его 60-летию, — “Сағынамын кун сайын...” (“Тоскую каждый день...”). Мне кажется, это именно то чувство, которое испытываем, вспоминая о папе и брате, мы, его дочери и родные, и именно то ощущение, которое иногда охватывает тех, кто близко знал замечательного человека и верного друга Тельмана Жанузакова.

В заключение хочу выразить безмерную, искреннюю благодарность всем, кто откликнулся на мою просьбу и выступил автором этой книги, а также моим друзьям по издательскому цеху, принявшим участие в ее формировании.

Майра ЖАНУЗАКОВА

Июль 2005 года

АЛҒЫ СӨЗ*

Дос туралы, оның туындысы туралы сөз сол достың көзінің тірісінде айтылса ғой. Бірақ біз, оның алдында әлі талай өмір бар. өмір атты ұзын жолда бір-бірімізден адаса қоймаспыз, жақсы сөз айтыла жатар деп, асықлаппыз.

Тельман Жанұзақов дүниеден қыршын кетті. Ол менен бірер жас кіші тетелес інідей еді. Мен университетті бітіріп келгенде ол әлі оқып жүрген болатын. Бірақ “Лениншіл жас” газетіне қызметке бір мезгілде қабылдандық. Аса талантты журналист жігіт қолына диплом алмай жатып-ақ белді қызметкердің бірі болды.

Жастар газетінде жауапты жұмыстың қым-қиғаш қиыншылығын қайыспай көтере жүріп, ол республика тынысынан көкейкесті проблемалы мақалалар, корнекті коркем очерктер жазуға уақыт таба білді.

Дімкөс болғанына қарамастан ұзақ жолға шығып, Брест қаласын қорғауға қатысқан қазақстандық қаһармандар туралы көп материал жинап, қаһармандық очерктерін газеттің бірнеше номеріне жариялап, онысы жұртшылықтан жақсы баға алғаны әлі есімізде. Бір ғана деталь: Тельман Брест қаһармандары туралы очерктер ғана жазып қоймады, сол очерктің негізгі кейіпкері Нұрым Сыдықов деген кісі соғыстан соң үйлі-жайлы болып, Белоруссияда қалып қойған екен. Тельман сол азаматтың Қазақстанға оралуына, Алматыдан үй алуына, қызметке орналасуына зор мән беріп көмектесті.

Теміртаудағы Қазақстан Магниткасының ірге тасы қалана бастаған кезде республика комсомолы Орталық Комитетінің шақыруымен жүздеген қазақ жігіттері Оралдың металлургия заводтарына оқуға аттанды. Тельман журналистердің арасынан бірінші болып, “Лениншіл жас” және “Ленинская смена” газеттерінің арнайы командировкасымен солардың ізімен барып, болашақ қазақ металлургиялары туралы орыс және қазақ тілдерінде әдемі очерктер жазды. Біз, достары, оның екі тілде бірдей жаза білетін өнеріне сүйсінетінбіз, қызығатынбыз.

Біз, үзегілес жолдастары, Тельманның жан тазалығына, оманда тұрашылдығына, еңбекқорлығына тәнті болатынбыз. Өзгеге жарық түсіру үшін өзін-өзі жандырып жібергісі келіп тұратын. Сірә, солай болды да. Жүрекке жасалған қатерлі операциядан кейін де ол “Правда” газетінің Қазақстан бойынша меншікті тілшісі, республикалық “Ара—Шмель” журналының бас редакторы, “Қазақфильм” киностудиясы директорының орынбасары, Қазақстан Кинематографистер одағы басқармасының екінші секретары секілді қызметтерде жүріп, сан-салалы жұмыстар атқарды.

*Тельман Жанұзақовтың “Азамат” кітабына (“Жалын” баспасы — Алматы, 1980).

Тельман тек публицистика, коркем очерк саласында гана қалам тартқан журналист емес, майталман аудармашы да еді. Оның әлем әдебиетінің классиктерімен қатар өзі тұрғылас жазушылардың роман, повестерін ана тілімізге аударғанын көпшілік жақсы біледі. Сонымен бірге коркем эңгімеде жазушы еді, бірақ оларын жариялай бермейтін. Сөз қадірін қасиет тұтудың бір үлгісі осы болар. Біз, достары, оның осындай қасиеттерін жоғары бағалаушы едік. Тельман шын мәніндегі азамат еді...

1979 жылдың қазан айы

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Теплое слово о друге, о его творчестве надо бы говорить, когда он жив. Но мы не спешили этого делать, считая, что впереди его ожидает большая жизнь и мы на этом долгом пути, именуемом жизнью, друг друга не потеряем, а добрые слова еще будут сказаны.

Тельман Жанузаков ушел от нас в расцвете лет. Он был мне как братишка, всего на три года младше. Когда я окончил университет, Тельман все еще учился. Однако на работу в газету “Лениншил жас” мы пришли примерно в одно и то же время. Молодой, очень талантливый журналист стал одним из авторитетных сотрудников редакции, еще не получив на руки диплома.

Безропотно взвалив на себя суматошную и ответственную повседневную работу молодежной газеты, не сгибаясь под ее тяжестью, он умел выкраивать время, чтобы писать злободневные статьи о насущных проблемах из жизни республики и занимательные художественные очерки.

До сих пор мы помним, как он, несмотря на тяжелую болезнь, выехал в дальнюю командировку, собрал большой материал о казахстанских героях, участвовавших в защите города Бреста, а по возвращении опубликовал в нескольких номерах газеты цикл героических очерков, которые высоко оценила читательская общественность. Добавлю только одну деталь: Тельман не ограничился одним лишь рассказом о брестских героях — центральный персонаж его очерков, Нурум Сыдыков, обзаведясь после войны семьей, остался в Белоруссии, и Тельман, придавая огромное значение его возвращению в Казахстан, помог этому человеку получить квартиру в Алматы и устроиться на работу.

Когда был заложен первый камень в основание Казахстанской Магнитки в Теміртау, сотни молодых казахских парней по призыву Центрального комитета комсомола республики отправились учиться

---

* К книге Тельмана Жанузакова “Азамат” (Издательство “Жалын” — Алматы, 1980).

на металлургические заводы Урала. Тельман первым из отечественных журналистов поехал по их следам, инициировав специальную командировку от газет “Лениншил жас” и “Ленинская смена”, и вскоре написал на казахском и русском языках замечательную серию очерков о будущих казахских металлургах. Коллеги всегда восторгалась и удивлялись его искусству свободно писать на двух языках.

Мы, друзья и соратники Тельмана, были восхищены его душевной чистотой, всегдашней справедливостью и трудолюбием. Чтобы одарить добром ближнего, он готов был себя сжечь. Видимо, так и случилось. Даже после рискованной операции на сердце он активно работал, занимал такие ответственные должности, как собственный корреспондент газеты “Правда” по Казахстану, главный редактор республиканского журнала “Ара—Шмель”, заместитель директора киностудии “Казахфильм”, второй секретарь Союза кинематографистов Казахстана, и сделал на этих постах немало.

Он был не только журналистом, посвятившим свое перо публицистике и художественному очерку, но и непревзойденным переводчиком. Многие хорошо знают о том, что он перевел на родной язык романы и повести классиков мировой литературы и близких ему писателей-современников. Вместе с тем он писал и художественные рассказы, но не публиковал их. Это один из примеров того, с каким уважением он относился к слову. И мы, его близкие друзья, высоко ценили его за эти достоинства. Тельман был в истинном смысле настоящим человеком и личностью...

Октябрь 1979 года

ОН ЛЮБИЛ ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Мы начинали вместе. Но Тельман все-таки чуть раньше. Еще студентом КазГУ он начал сотрудничать в молодежной газете “Лениншил жас”. Там мы познакомились и остались друзьями на всю жизнь.

В середине 50-х годов в редакции собрались яркие журналисты. Ныне многие из них стали известными писателями, видными общественными и партийными деятелями. Среди них особенно выделялся Тельман Жанузаков. Каждое его выступление в газете было явлением. Разносторонний талант Тельмана проявлялся очень ярко. Вскоре Т. Жанузаков стал собственным корреспондентом газеты “Правда” по Казахстану. Позже главным редактором журнала “Ара—Шмель”.

А еще у него было увлечение — горы. Родился и вырос Тельман у подножия самой могучей вершины Алатау — Хан-Тенгри. Может быть, и поэтому он все время тянулся ввысь в прямом и переносном смысле.

Все, что он успел написать и сделать, издано далеко не полностью. Сборники его рассказов, очерков, значительных художественных

переводов готовится к выпуску в недалеком будущем. Несомненно, Тельман Жанұзақов творческим путем своим стал как бы продолжателем традиций Саттара Ерубасака, Баубека Булқышека и по натуре, и по судьбе.

Его молодой организм не выдержал такой неистовой борьбы, непреодолимого желания полнокровно жить.

Нынче ему исполнилось бы ровно 50.

(“Ленинская смена” — 24 августа 1985 года)

ЖУРНАЛИСТ ЖҮРЕГІНІҢ ЖҮТІ АУЫР

Тельман ЖАНҰЗАҚОВ туралы сөз

1956 жылдың күзі еді. Оқу бітіріп, жұмыс істей бастағанымға бір жыл болды. “Қазақтың қоркем әдебиет баспасы” дейтін жерде редактормын. Елу алтыншы жылы жазда Алматыға біржолата Бәукең келді. Бәукең үйіне жиі баратын болдым. Жеңеміз Жамал заты жақсы, кең кісі. Қазіргі Қабанбай батыр мен Фурманов кошелерінің бұрышында екі-ақ болмелі үйі бар. Бауыржан Момышұлына Алматыдан, астанадан, бұйырған үйдің сиқы сол. Кішкентай-кішкентай екі-ақ болме.

Қоңіл кең болған соң сол үйге бәріміз сыя береміз. Жамал жеңеміз “Лениншіл жаста” машинистка екен. “Лениншіл жастың” жігіттері Бәукеңнің үйіне үйір. Сол үйде мен Саттар Болдекбаевпен, Кәкімжан Қазыбаевпен танысайын. Енді бұлар мені айналдыра бастады. “Кітап баспасы — шалдар жұмыс істейтін жер ғой. Давай, газетке кел. Міне, нағыз өмір!” — демей ме.

Не керек, “Лениншіл жасқа” ауысып алдым. Барсам, бір болмеде он шақты адам. Тор жағын ала қызыл такия киген жап-жас бала отырады. Маған орын босаға жақтан тиді. Сойтсем, әлгі қызыл такия — Тельман Жанұзақов деген журналист екен. Жұрт оны “Телпек” дейді екен. Мақалаларына өзі де “Телпек” деп қоя қояды. Сұлуша жұқалтаң оңінде қобінесе жымнаған күлкі табы тұрады. Әлі бала сияқты. Сойтсем, ол үйленген, екі баланың әкесі екен. Студент күнінен отау құрып, студент күнінде жұмыс істеп жүр.

Сейдахмет Бердіқұлов, Баянжан Мәдиев, Сапар Байжанов, Қалихан Ысқақов, Камал Смаиылов — кілең ығай мен сығайлар. Бәрі жазғыш. Мақалалары, очерктері шығып жатады. Мен болсам — аудармашымын. Мәскеуден келген ТАСС хабарларын орышадан қазақшаға қотарамын да отырамын.

Бір күні жанымға Телпек келіп:

— Бүйітіп отыра берсең, құрисең. Кішкентай да болса өз жазғаныңның жарық көргені жақсы, — деді.

Ойлап тұрсам, оныкі дұрыс. Содан бастап одан-бұдан хабар-ошар, мақала, очерк жазуға бейімделе бердім. Бұл — өнер. Ол өнердің өз сиқыры бар. Жүз жол материалдың астында “Паленше Түгеншеев”

деген аты-жөнің жазулы тұрса, оған енді шала мас болып, кәдімгідей “даңқ” ауруына шалдыға бастайсың...

Не керек, екі-үш жылдың ішінде кәдімгідей кәнігі журналистер қатарына қосылғандаймын. Бұл екі арада көптеген өзгерістер болды. Абай Бейсенбаевтан кейін “Лениншіл жасқа” бас редактор болған Саттар Болдекбаев көп ұзамай Қарағанды облыстық газетіне бас редактор болып ауысты. “Лениншіл жасқа” бас редакторлыққа кезек Тельман Жанұзақовқа “тіленіп-ақ” түр. Өйткені ол бас редактордың орынбасары болатын. Барлық жағынан жол соныкі. Білім бе — жетеді, қабілет пе — жетеді, талант та жетеді. Жетпей тұрған бір-ақ нәрсе бар. Ол — денсаулық. Жап-жас болып жүрегі ауырады. Емханада айлап жатып қалады. Жас жүрекке бұл ауру қайдан жабысты? Біреулер айтады: альпинист боламын деп тауға шығып, содан тауып алды. Мен ойлаймын, тұрмыс тауқыметі, қу кедейшілік, мойынға ерте ілінген ауыр қызмет қамыты ер жігітті құмжілік етті-ау. Әлі оқу бітірмей семьялы, екі-үш баланың әкесі. Алматыда пәтер жалдап, аттамаған табалдырығы жоқ. Әлі бұғанасы қатпаған бозбаланы отбасылық, зілмауыр салмақ езіп жібергендей болды.

Осы жүрек ауруы себепті де Тельман кандидатурасы бас редакторлыққа отпей қалды. Өкінішті-ақ, әрине. Бұдан кесел үдемесе, кемімейді ғой. Бас редакторлыққа ойда-жоқта мен тағайындалдым. Тельманның жолын кескендей болдым. Бірақ адам алдында да, Құдай алдында да менің жазығым жоқ. Билікке ұмтылып, жанталасқан емеспін.

Мен — бас редактор, ол — орынбасар. “Менің орнымды алып қойдың-ау”, — деп қылаудай қиянат мінез танытқан жоқ. Қолынан келгенше көмегін аямады-ау азамат.

Дегенмен, өз дәрежесіне лайық қызмет керек екені белгілі. “Правда” газетінің Қазақстандағы меншікті тілшісі болып тағайындалды. Ол заманда “Правда” газетінің тілшісі деген өте үлкен дәреже.

Міне, бұл арада журналист, азамат Тельман Жанұзақов, ымырасыз шыншыл, әділетті Тельман Жанұзақов бірден көзге түсті. Қазақстан жағдайындағы проблемаларды көтере жүріп, ол кезде айтуға ешкім бата алмайтын сұрапыл сұрақты қабырғасынан қойып кеп қалсын.

Егер біз қазір отаршыл, озбыр империяның көптеген қиянат қылықтарын қайта түзетіп, қазақы қалыбына келтіріп жатсақ, егер Целиноград — Ақмола, Джамбул — Жамбыл, Чимкент — Шымкент болып түзетіліп жатса, ол істің қайнар басында, сонау қызыл империяның қылышы жаландаған кездің өзінде Тельман Жанұзақов қасқайып тұрды.

“Правда” газетінің бетінде, бүкіл әлем алдында: “Медео емес — Медеу!” — деп айқай салды. Құдай салмасын, содан соң бұл ұланғайыр дауға айналсын. Шындықты, әділдікті айтқан адам айыпталып, оның маңдайына “ұлтшыл” деген таңба басылсын.

Ежелгі сүм әдіс қой.

“Лениншіл жас” түлектері... Сайдың тасындай шымыр, керемет талантты, бауырмал жандар көп еді. Азайып барамыз. Газетте сыналған бір надан Сағаттар Болдекбаевты жүректен атып өлтірді. Баянжан Мәдиев жүректен жас кетті. Кәкімжан Қазыбаев о да жүректен шаршады. Тельман Жанұзақов — жүрек, Сейдахмет Бердіқұлов — жүрек... Оралхан Бокей — жүрек... Сағат Әшімбаев — жүрек...

Жазушы мен журналист көбіне жүректен кетеді. Өз басының қасіреті ғана болса шыдар еді-ау, әділетсіздік әлі де өкіреніп тұрса, шындық салтанат құра алмай шырылдап жүрсе, осының бәрін басқалардан бұрын сезінетін қалам қайраткерлерінің жүрегіне зіл-батпан жүк артылады...

(“Халық кеңесі” — 15 тамыз, 1995 жыл)

* * *

Тельман туралы осы бір шағын мақала жазылғалы бірталай жыл өтті. Қазір Тельманның өзі де бұл жалған дүниеде жоқ.

Артында төрт қыз қалды. Ұл баласы жоқ еді. Бірақ Құдай мейірді ұлдан бұйыртып ма, қыздан бұйыртып ма — ол тек бір Аллаға ғана аян.

Тельманның қыздары ұлдан артық болмаса, кем болмады. Төрт қыздың ең үлкені Майіра ғой. Әкесіне тартқан ақжарқын, бауырмал, сүйкімді жан.

Сол Майіра Алматыдан алыста жатқан мені тауып алып, телефон соғады ғой. “Әкем туралы замандас жолдастарының естелігін жинап, кітап шығарайын деп едім. Соған сіз де қатыссаңыз”, — дейді.

Мен:

— Айналайын-ау, Тельман туралы айтарымды баяғыда-ақ айтып қойып едім ғой.

— Дегенмен тағы да еске түсіріп көріңізші, — деп отінеді Майіра.

Не дейін. “Жоқ” деп қайтіп айтайын. Басқа — басқа, Тельман туралы айтпауға, Тельманды ұмытуға бола ма?!

Тельман дегенде, есіме Оралхан түседі. Біреуі Хантәңірінің, біреуі Мұзтаудың бауырында туған. Хантәңірі Аспантауда, Мұзтау Алтайда. Аспантауды “Алатау” деп кеткен — Енесайдан көшіп келген қырғыздар. Әйтпесе ежелгі аты Аспантау немесе Тәңіртау. Қытайдың Тянь-Шань деп жүргені Аспантау (Небесные горы). Аспан мен Көк Тәңірі — синонимдер.

Сол Оралханды менің кабинетіме ертіп келген осы Тельман еді. Оның алдында біздің газетіміз “Лениншіл жас” Оралханның очерктері жарияланып тұратын. Содан Тельманға:

— Осы жігітті тауып, сойлесіңі. Бізге қызметке келер ме екен, — деген мен едім.

Міне, сол әңгімеден кейін екеуінің келіп тұрған беті ғой.

Сол сол-ақ екен, бұйрық берілді, қызметке алынды. Енді Орекенді отқа салып, суға салып кормекшіміз. Орекен, отқа салсаң, күймейді екен, суға салсаң, батпайды екен.

Сонымен сол Оралхан Бокей кейін Тельман басқа жұмысқа ауысқанда, бірнеше жылдан соң сол Тельманның орнын басып, лауазымы жоғарылады.

Кейінірек мен жұмыс бабымен Нарынқолға бардым. Бұл — Тельман Жанұзақовтың отаны. Ұмытпасам, ауданға кештетіп жетіп. Көмірші деген ауылға қонып шықтым. Таңертең ерте тұрып кеттім де, сыртқа шығып, онгүстік шығыс жаққа көзім түсіп кетіп еді, тұла бойым дір-р-р ете қалды: қарсы алдымда аспанды тіреп тұрған сұрапыл сұмдық алыпқа, мұз құрсауы шығып келе жатқан күн нұрына шағылысып, көз қарықтырған шырқау шыңды тұңғыш рет көріп, тілім байлағандай қалшидым да қалдым.

Ал Тельман болса, осы Хантәңірінің дәл бауырында туып, күнде көріп, Қүдіреттің рухын сезіп өскен азамат екен ғой.

Хантәңірі жайшылықта ұдайы көріне бермейді. Көк тіреген үш қырлы найзадай тұлғасын көбінесе бұлт түмшалап тұрады.

Мен түнеп шыққан Көмірші ауылы Қарасаз деген ауылмен көріні екен. О, Қарасаз! Ол Мұқағалидың ауылы ғой. Ұлы ақынның ауылы.

Бердібек Соқпақбаевты қайда қоясың?!

Солардың ізін басқан, қазіргі корнекті жазушы, драматург, айтулы журналист, “Парасат” журналының бас редакторы, Тельманның туған інісі Баққожаның қаламының қуаты Хантәңірінің шақпақ тасына қайралғандай.

Бұл өлке осындай дарындар отаны. Осыдан бес ғасыр бұрын Өз-Жәнібек ханмен дастарқандас болған, Жиренше шешенмен жолдас болған аса ірі шипагер Өтейбойдақ туған жер. Жаудың жағын айырған Райымбек батыр туған жер...

Айта берсе, нелер дарындар дүниеге келген асыл бесік. Осылардың арасында Тельман бауырымыздың жұлдызы ерекше жарқыраушы еді, амал қанша, ерте сонді.

Міне, мына суретте екеуіміз шарап ішіп, шалқып отырыппыз. Қасымыздағы — бауырымыз Қуанышбай Құрманғалиев деген журналист-жазушы жігіт.

2005 жылдың маусымы

ТЯЖЕК ГРУЗ НА СЕРДЦЕ ЖУРНАЛИСТА **Слово о Тельмане ЖАНУЗАКОВЕ**

Стояла осень 1956-го. Исполнился год, как я, закончив учебу, приступил к работе. Трудился редактором в Казахском издательстве

художественной литературы. Летом того года в Алматы окончательно вернулся Баукен (Бауржан Момышулы — М. Ж.). Я стал часто бывать у него. Наша женгей Жамал была широкой натурой и добрейшим человеком. В доме на углу нынешних улиц Фурманова и Кабанбай-батыра у них была двухкомнатная квартира. Та самая квартира, которую столичные власти выделили в Алматы Бауржану Момышулы. Две маленькие, тесные комнатки.

Поскольку дом был радушным и очень гостеприимным, сколько бы нас ни собиралось, мы всегда умудрялись в нем разместиться. Женгей Жамал работала машинисткой в “Лениншил жасе”. Поэтому ребята из редакции косяком тянулись в гости к Баукену. Здесь я и познакомился с Саттаром Больдекбаевым и Какимжаном Казыбаевым. И вскоре они принялись меня уговаривать: “Книжное издательство — это место для стариков. Давай лучше к нам в газету! Вот где настоящая жизнь!”

Что тут мудрить — перевелся в “Лениншил жас”. Пришел в редакцию, а это одна комната, в которой теснились человек десять. В самом центре восседал совсем еще молодой парнишка в расписной красной тюбетейке. Мне досталось место у порога. Устроился. Оказалось, парень в красной тюбетейке — журналист Тельман Жанузаков. Ребята звали его Тельпекком. Да и собственные статьи он подписывал этим псевдонимом. На красивом худощавом лице чаще всего витала тень легкой улыбки. Похоже, еще мальчишка. Однако я ошибся: Тельман в то время был уже женатым, имел двух детей. Создал семью в пору студенчества и со студенческих же лет трудится.

В газете тогда работали Сейдахмет Бердикулов, Байнжан Мадиев, Сапар Байжанов, Калихан Искаков, Камал Смаилов — сплошь отборные журналисты, мастера слова. Все много писали. В каждом номере публиковались их статьи и очерки. Я же стал переводчиком. Переводил с русского на казахский язык сообщения ТАСС, пришедшие из Москвы, и на этом мои обязанности заканчивались.

Однажды ко мне подошел Тельпек и сказал:

— Будешь вот так сиднем сидеть — пропадешь. Куда лучше, если опубликуешь что-нибудь свое, пусть даже это будет маленькая заметка.

А ведь он прав, подумал я. Начиная с того дня, стал писать — новости о том о сем, статьи, очерки. Это искусство. И у него колдовская сила. Если под каким-нибудь стострочным материалом стоит твоя подпись, мол, “такой-то имярек”, ты немного пьянеешь и у тебя начинают проявляться признаки самой настоящей “звездной” болезни...

В общем, в течение двух-трех лет я постепенно влился в ряды опытных журналистов. За этот промежуток времени случилось немало перемен. Саттар Больдекбаев, который сменил на посту редактора Абая Бейсенбаева, вскоре перевелся в Караганду, где стал главным редактором областной газеты. На место руководителя

“Лениншил жаса” так и “просился”, согласно очередности, Тельман Жанузаков. Ведь он был заместителем редактора. С какой стороны ни посмотри, ему прямая дорога на это место. Знаний хватает, способностей — тоже, да и таланта не занимать. Не хватает только одного. Здоровья. Совсем еще молод, а сердце больное. Иногда месяцами лежит в больнице. Откуда этот недуг привязался к нему? Поговаривали, в горах подцепил, мечтал альпинистом стать. Я же думаю, что сердце молодого джигита подточила тяжелая жизнь: беспросветная нужда, тяжкий труд, взваленный на себя с детских лет. Рано завел семью, стал отцом трех дочерей. Скитаясь по квартирам в Алматы, какие только пороги не обивал. А легки ли заботы и обязанности главы семейства? Видимо, весь этот непосильный груз и раздавил еще не окрепшие плечи парня.

Из-за больного сердца кандидатура Тельмана не прошла на должность редактора. Конечно, обидно. Если после случившегося болезнь не усилилась, то ведь и здоровья не прибавила. На пост редактора совершенно для меня неожиданно был назначен я. Будто переступил дорогу Тельману. Но ни перед ним, ни перед Богом моей вины нет. Я не стремился к власти и не пытался заполучить это кресло.

Я — редактор, Тельман — мой заместитель. Ни разу он даже тени обиды не выказал, мол, сидишь на моем месте. Как мог, щедро помогал во всем.

Однако любой человек достоин работы, которая соответствует его уровню. Тельмана утвердили собственным корреспондентом газеты “Правда” по Казахстану. В ту пору это была очень высокая планка.

И здесь журналист и по-настоящему незаурядная личность Тельман Жанузаков, непримиримый правдолюбец, справедливый и честный Тельман Жанузаков сразу выделился. Поднимая проблемы, касающиеся Казахстана, он ребром ставил острые вопросы, говорить о которых в то время никому не хватало смелости.

Если ныне мы устраняем вредные последствия тоталитарной политики и возрождаем национальное самосознание, если Целиноград зовется теперь Акмолой, Джамбул — Жамбылом, а Чимкент — Шымкентом, следует напомнить, что у истоков этого процесса еще в эпоху красной тирании, всегда готовой на репрессии, стоял нестигаемый и решительный Тельман Жанузаков.

Перед всем миром со страниц газеты “Правда” он громко заявил: “Не Медео — Медеу!” Не приведи Аллах, в какой это вылилось шумный скандал. Человека, который поступил честно и просто сказал правду, обвинили во всех смертных грехах и навесили на него клеймо “националиста”.

Издавна используемый коварный прием.

Молодое поколение “Лениншил жаса”... Сколько было талантов — крепких, как скалы в ущелье, воистину отмеченных Божьим даром, отзывчивых, добрых душой! Их все меньше. Один негодяй.

которого раскритиковали в газете, застрелил Саттара Бильдекбаева, попав прямо в сердце. Баянжан Мадиев умер молодым от разрыва сердца. Не выдержало нагрузки и сердце Какимжана Казыбаева. Тельман Жанузаков — сердце, Сейдахмет Бердикулов — сердце... Оралхан Бокей — сердце... Сагат Ашимбай — сердце...

Многие из писателей и журналистов уходят из жизни от болезней сердца. Если бы беды касались только их самих, они бы, наверное, выдержали, но, когда правит бал вопиющая несправедливость, когда истина не может восторжествовать, все это тяжким грузом ложится на отзывчивые сердца деятелей пера, которые острее всех переживают проблемы общества...

(“Халык келеси” — 15 августа 1995 года)

* * *

С тех пор как была написана эта небольшая статья, прошло немало лет.

Тельмана давно уж нет на этом свете. От него остались четыре дочери. Сына у Тельмана не было. Но одному Аллаху известно, как проявит Бог свою милость — послав сына или подарив дочь.

Дочери Тельмана, если не лучше сыновей, то ничуть не хуже. Самая старшая — Майра. Такая же, как отец, приветливая, отзывчивая, обаятельная.

Именно Майра разыскала меня, живущего теперь вдали от Алматы, и позвонила по телефону. Рассказала, что собирается выпустить книгу об отце, собрав воспоминания его друзей и современников. Попросила, чтобы и я принял в этом участие.

— Айналайн, все, что хотел сказать о Тельмане, я ведь уже давно сказал.

— И все-таки, пожалуйста, попробуйте что-нибудь еще вспомнить, — попросила она.

Что делать? Разве могу я отказать? Другое дело — кто-то, но разве можно не сказать о Тельмане, разве можно Тельмана забыть?!

Когда я думаю о нем, на память приходит и Оралхан. Один родился неподалеку от Хан-Тенгри, другой — в окрестностях Музтау*. Хан-Тенгри находится в Аспантау — в Небесных горах, Музтау — на Алтае. Название Алатау пошло от кыргызов, перекочевавших сюда с Енисея. Древнее же наименование этих хребтов — именно Аспантау, или Тенгригау. Китайское название Тянь-Шань тоже переводится как “Небесные горы”. А слова “аспан” (“небо”) и Кок-Тенгри — синонимы.

Так вот, Оралхана в мой кабинет впервые привел как раз Тельман. До этого в нашей газете “Лениншил жас” было опубликовано несколько его очерков. Как-то я попросил Тельмана:

— Найди-ка этого джигита и переговори с ним. Пойдет ли он к нам работать?

* М у з т а у — дословно: “Ледяная гора”.

Через некоторое время после этого разговора они вдвоем и зашли ко мне. Подписал приказ, взяли Оралхана на работу. А потом, посылая в огонь и в воду, решили понаблюдать его в действии. Оказалось, Оралхан в огне не горит и в воде не тонет.

Тельман перешел на другую работу, а через несколько лет Оралхан Бокей, поднявшись по ступенькам служебной лестницы, занял его должность.

Позже по рабочим делам я побывал в Нарынколе. Это родина Тельмана Жанузакова. Если мне не изменяет память, переночевал в ауле под названием Комирши, поскольку приехал очень поздно. Встал чуть свет и вышел во двор. Когда взгляд мой упал в сторону юго-востока, я невольно вздрогнул всем телом, остолбенел и онемел от удивления: в первый раз прямо перед собой я увидел Хан-Тенгри — свирепого и ужасающего великана, который подпирал собою небеса, его заоблачная вершина, закованная в тиски льда, отражая солнечный свет, ослепляла своим блеском глаза.

Тельман же родился неподалеку от Хан-Тенгри, видел эту величественную гору изо дня в день, рос, ощущая дух всемогущей силы Властелина Неба.

Обычно пик Хан-Тенгри не виден. Его вершина, вонзившаяся в небо как трехгранное копьё, чаще всего затянута пеленой туч.

Аул Комирши, в котором я переночевал, как оказалось, находится по соседству с Карасазом. О, Карасаз! Это аул Мукагали Макатаева! Родина великого поэта.

А как не вспомнить еще одного сына Нарынкола — Бердибека Сокпакбаева?!

Перо их наследника, ныне видного писателя, известного журналиста, главного редактора журнала “Парасат” и кровного братишки Тельмана — Баккожи Мукаи, словно отточено о кремни Хан-Тенгри.

Этот край — родина больших талантов. Земля, родившая выдающегося целителя Отебойдака, который пять веков тому назад был частым гостем за дастарханом хана Аз-Жанибека и считался другом Жиренше-шешена. Земля, которая вскормила батыра Раимбека, героя, разбившего полчища ненасытного врага...

Сколько еще одаренных людей явила на свет эта драгоценная колыбель! Среди этого созвездия имен по-особому сияла звезда нашего брата Тельмана, но, увы, рано угасла.

Перебираю старые фотографии. Вот на этом снимке мы в веселом настроении попиваем вино, а рядом наш коллега и братишка — писатель, журналист Куанышбай Курмангалиев...

Июль 2005 года

